

ПЕРСОНА КАК ФАНТОМ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

В. А. Сулимов

Коми государственный педагогический институт, Сыктывкар

A Person as a Phantom: the Literary Text and Identity Crisis

V. A. Sulimov

Komy State pedagogical institute, Syktyvkar

В процессе развития индивидуального и социального сознания в конце XX — начале XXI века обнаружила себя новая когнитивная сущность Персона, представляющая собой универсального Автора/Читателя, определяющего формальные и смысловые особенности литературного текста. Это стало возможным на фоне развития информационного пространства, в том числе — в виде универсальной информационной сети Интернета. Следствием изменения коммуникативных параметров постперсоналогического информационного сообщества стало появление и развитие особых диффузных литературных жанров, формирование нового когнитивного облика литературного процесса.

Appearance and development of the phenomenon «person» signifies forming of a qualitatively new cross — cognitive foundation of contemporary man's consciousness. The consequence of a cognitive «gap» in the point of individual self-identification turns out to be the breach of unity of epistem. The problem of post human personology leaves the bounds of philosophical modeling itself: in the field of cultural anthropology and text's semiotics.

В процессе изменения философско-персоналогической перспективы XXI века обнаруживается наличие ряда новых объектов исследования (а) не выделенных исследователями в предыдущий период (из ряда артефактов/ментефактов); (б) принципиально не выделяемых из этого ряда в предыдущий период в силу их недостаточного объема и методики наблюдений. Одним из важных концептуальных изменений в философском сознании конца XX века оказывается формирование философско-культурологического понимания небытия как особой формы сознания, изменяющегося (мутирующего) в сторону пост-виртуальной онто-трансцендентной реальности. Если ряд превращенных форм бытия сознания или бытия-в-сознании можно обнаружить в предшествующей истории, даже в виде элементов повседневности (мистика, ритуальность, обрядовость, социальная мифология), то выделяемая нами форма небытия (или не-бытия) в культуре относится к превращенным формам нового — когнитивного — типа, т. е. к таким феноменам, которые вызваны движением сознания от «реального» ощущения к «виртуальному» представлению и далее к построению «цепочек» или «сгущений» виртуализированных текстов культуры¹. Такое небытие имеет «относительный смысл, озна-

чая исчезновение одного одной формы бытия («смерть») и возникновение другой его конкретной формы («рождение»). Таким образом, не-бытие есть реально до-бытие, после-бытие или ино-бытие (превращенная форма конкретного бытия)» [3:138]. Идея культуры как фило-онтогенетической реализации небытия порождает ряд феноменов фантомного типа, сильное влияние которых на протекание процессов когнитивного будущетворения не соответствует их слабой представленности в описательной части литературных текстов (а также текстов «наблюдающего рассудка» — культурологических, критических, литературоведческих, искусствоведческих и др.)

К феноменам фантомного типа, наблюдение которых требует использования специальных антрополого-когнитивных или лингвокогнитивных приемов, относится понятие персоны, получившее свое обоснование в результате совпадения двух событий: культурологического и культурно-антропологического дрейфа лингвистической теории текста в союзе с когнитивной лингвистикой, и идеационного прорыва философии культуры, отметившей социальную кристаллизацию постперсоналогических форм бытия личности. При этом собственно поведенческие (в т. ч. — и речевые, и моторные) пробле-

¹ Наиболее простым примером является художественный интерьер, представляющий собой не набор мебели, а идею некоторой картины мира, выполненную в материале, где каждый предмет — стол, стул, шкаф — представляет собой эманацию художественной реальности или текст культуры. Другой пример — лирическая (в поэзии) или драматическая (на сцене) пауза, включающая набор поисковых систем смыслов или тексты умолчания. То же самое — архитектурный ансамбль города, фестивальная афиша и т. п.

мы индивидуума теряют часть своей актуальности, не проявляясь в традиционных формах в новой — жесткой и неблагоприятной — среде обитания человека — информационной. Информационная среда, приобретающая активный, деятельностный (и даже, подчас, агрессивный) характер, налагает значительные ограничения на способы и формы получения информации, виды и возможности информационно-текстовой деятельности, структуру и качество дискурсивных практик. Соединение в одном сознании в симультанном акте восприятия/порождения смыслов в результате многократной самопроективности этого сознания с одновременной продолженной (континуальной, контекстной, онтологической) референциальностью практически любого текста не способно встраиваться в элементарную информационно-вербальную схему (типа «кодирование» — раскодирование сообщения), «подчиняться» законам линейной логики и жанровой специфики.

Все это хорошо видно на примере литературных текстов (художественных, научных, публицистических), выстраивающихся в бесконечные дискурсивные цепочки с оборванной (в смысловом отношении) нарративом, своеобразные кластерные системы без четких правил и границ, где смыслы не «выражаются», не «высказываются», не «постулируются или предъявляются», а свободно перетекают за пределы высказывания, сообщения, топика, текста, т.е. за пределы любой локальности (местной, временной, национально-культурной и индивидуально-авторской). Это перетекание создает эффект присутствия некоего неизвестного (лица, когнитивной структуры, правила), находящегося вне структуры коммуникативного акта — некоторого универсального интеллектуального Субъекта (Автора-Читателя), выступающего поочередно (или одномоментно) в роли автора, героя, наблюдателя, наблюдателя над наблюдателем, потребителя, чья сфера ментальности (и=картина мира) всегда выходит за пределы отдельного акта интеллектуального восприятия мира. Поэтому любой участник текстовой коммуникации остается частично вне ее, не понимая до конца те фрагменты целостного смысла, которые уходят за пределы логико-эпистемного и эмоционально-чувственного. Возникает разрыв между смыслом и знанием, смыслом и системой пресуппозиций данного сознания, который заполняется лакунами коммуникативных или дейктических реакций, имеющих часто негативно-эмоциональную окраску. Яркий пример — речевые реакции блоггеров Интернета на попытку построения любого философского дискурса — во многих случаях инициатор такого дискурса «напарывается» на негативную (и весьма эмоциональную!) реакцию сознания, не «ухватывающего» информационных элементов (идей, образов, метафорических единств), возникающих в момент перетекания смыслов. Другими словами, рецепиенту философского

текста в Интернете не только не удастся вставить воспринимаемую информацию в какой-либо позитивный контекст, — сама мысль о возможности такой операции (в абсолютном большинстве случаев) отвергается.

Личностнообразующая динамика (и=прагматика) мысли разрушает саму себя: стремление утвердиться в коммуникативном пространстве противоречит стремлению насытить это пространство смыслами. Это приводит к когнитивному парадоксу трех коммуникативно значимых систем: системы смыслов, системы значений и системы целей (телеологической системы). Указанный когнитивный парадокс имеет своим следствием разрушение коммуникативного пространства, которое в информационном плане выражается в прекращении нарратива, включая автонарратив или «осуществление себя», как линейного описания последовательных состояний (а значит, и прекращении линейной логики причинности или логики «потому что» и «вслед за тем»), а в социальном плане — в развитии социально-психологических комплексов неудовлетворенности результатами деятельности, низкой социальной (и=когнитивной) самоидентификации («Я не понимаю»), эмоционально-депрессивных состояний. Состояние внутренней нестабильности порождает «новую экзистенциальность» текстов, которую можно условно назвать экзистенцией Иного (т.е. «объяснение» экзистенциальное ощущение венаходимости, «удвоенное» ощущением нетождественности), следствием чего становится порождение «рваных» образов, непроясненных (и непроясняемых в принципе) мотивов и отсюда — ненарративных, фрагментарных текстов. Другими словами: герменевтический круг внезапно (для любого интеллектуального субъекта) замыкается за пределами смыслового поля,² что создает иллюзию кругового движения смыслов в разорванном когнитивном пространстве индивидуального и социального сознания.

Согласно хорошо обоснованному уровневому строению человеческого типа сознания, обладающего до-личностными и собственно личностными аспектами существования, смыслы появляются (и=проявляются) как результат внутреннего диалога между интенциональными (свободными) элементами знания и обязательными, стандартными, схематизированными. Индивидуальное сознание оказывается изначально разорванным в «точке сборки свободы и ответственности» (Г.А. Тульчинский), воспроизводя эту разорванность как когнитивное ощущение, достаточно размытый когнитивный образ в процессе построения текста культуры. В этой логике нарастания разрыва (и, соответственно, ощущения разрыва) на всем протяжении становления человеческой индивидуальности как личности-в-культуре построен процесс инкультурации и самоидентификации (самодетерминации) в усложненных нелинейностью условиях современного информа-

² Эта особенность современных текстов культуры симметрична тому образу бытия культуры как «ленты Мебиуса», который был обоснован в работах Г. А. Тульчинского и И. Е. Фадеевой.

ционного сообщества. Нарастающее в течение длительного временного периода когнитивное напряжение (осмысление негативности результата индивидуального и социального развития) совершенно естественно экзистенциально переживается сознанием индивидуума: «...самодетерминация не тождественна индивидуальному произволу, свобода, лежащая в основе поступка, неотделима от ответственности и понимания пределов ее реализации: заботящаяся антиципация возможного целого жизненного опыта сталкивает личность с ограниченностью ее миро-проекта смертью, возможностью разрушения индивидуального бытия-в-мире; конституция персонального бытия коренится в ужасе растворения самости в несобственных способах самораскрытия, захваченности ее подручными средствами; поступок сопряжен с виной за возможное несоответствие собственному зову совести» [1:57]. Личность, начинающая осознавать собственный неуспех, собственную непроявленность в... (ситуации повседневности, профессиональном сообществе, научном или художественном дискурсе) оказывается перед необходимостью замещения процедуры самообоснования процедурой воссоздания вне... — в новом, не определяемом повседневным, научным или художественным опытом пространстве, виртуальность которого превосходит возможности наблюдения. Так заканчивается строительство личности и начинается строительство Персоны — одного из главных признаков ситуации постперсонализма.

Именно через экзистенциальное переживание неуспеха когнитивного самообоснования личности в европейской и русской ментальности конца XX — начала XXI века проявилась и стала серьезно обсуждаться проблема постперсоналогии как (а) периода осуществления персональности и (б) нового подхода к выявлению и описанию персоналогических черт бытия. Это послужило поводом для развития ряда направлений в философско-культурологических исследованиях. Проблема постперсоналогического мира существовала и ранее как эманация синдрома страха и ощущения ненормативности индивидуального бытия человека, но в своей проблемной постановке проявилась именно сегодня. Признаками движения к постперсоналогии, наблюдавшимися на протяжении нескольких последних веков, были напряжения и разрывы в виртуальном образе целостности себя-в-мире и мира-в-себе, все в большей степени заменявшихся различными вариантами экзистенциального отчуждения. Экзистенциальное отчуждение не воспринималось таковым, а долго и мучительно порождало «двоемыслие», «двоемирие» (Ф. М. Достоевский), «горькие сомнения и тягостные раздумия» (И. С. Тургенев), которые в текстах русской культуры, например, превращались в ком непроясненных и непреодолимых антиномий (жизни и свободы,

меры добра и зла, веры и неверия, обычая/традиции и эгоизма, даже долга и чести — как в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина). В этом смысле разрушение в классической русской литературе внешней наррации в пользу наррации внутренней, психологической и даже культурно-антропологической по содержанию и методам презентации явилось сильным откровением для мировой философско-научной мысли конца XIX — начала XX века, никогда не скрывавшей «русский след» теорий «разорванного сознания»³. В работах М. Бахтина и Г. Шпета стала выкристаллизовываться идея бытия личности-в-тексте и личности как текста, «раздвоение» которой на Одного и Другого явилось главным условием интеллектуального развития мира с конца XIX столетия. Это означало, по сути дела, нормализацию синдрома раздвоения личности (по крайней мере, в литературных текстах эпохи модерна), преобразование болезненного состояния в повседневность, создание виртуального сообщества авторов и читателей, что проявилось себя в социальном плане, например, в развитии движения литературных клубов и объединений, литературных кафе и даже активно действующих литературных партий (подобных отечественным футуристам с их программами, манифестами, массовыми акциями и т. п.). Однако, приобретенное экзистенциальное единство-в-парадоксе, примиренное в своей когнитивной основе понятиями ситуативности, контекста и интертекстуальности (что характерно, в частности, для Европы 60-х годов XX века, освоившей парадокс как метод в логике, философии, научной и художественной практике), оказалось разрушенным изнутри — эпистемологически. В этом, на мой взгляд, заключается тот новый когнитивный парадокс, который возник как эманация нового типа незавершенного человека — самозванческого или пост-постнеклассического. Эта «дважды пост» эпоха (эпоха пост-постнеклассическая), плавно входящая в пространство текстов культуры, означает не сглаживание разрыва, не привыкание к нему, а усиление разрывных тенденций, когда традиция, да и сам «социальный порядок» обыденности оказываются «взорванными изнутри» — эпистемологически, логически, когнитивно, семиотически. Сам разрыв происходит на волне информационной революции, многократно увеличившей объем, содержание и способы презентации информационного потока и тем самым взломавшей границу между миром бытия сознания и миром бытия информации⁴. При всей затрудненности наблюдений над процессом можно привести несколько следствий этого взрыва: замена дискретного знака континуальным, означающим только позицию в языковом континууме (и, конечно, отношение к этой позиции), замена классической эпистемы или логэпистемы квазиэпистемой, обладающей подвижным содержанием

³ Достаточно вспомнить хрестоматийные высказывания З. Фрейда или А. Эйнштейна об истоках идей «рваного», квантированного мира.

⁴ В частности, речь может идти об интериоризации интеллектуальным сознанием гиперсловаря и системы гиперссылок Интернета, создающих новые «миры существования».

(контекстным, затекстным, гипертекстным и т. п.), замена телеологического пространства (или=системы целей) системой процессуальных теней или образов, обозначающих не достижение цели, а понимание (и=ощущение) движения к достижению цели как вечно незавершенному результату. Это касается любого интеллектуального усилия и любой сферы интеллектуальной деятельности. Поэтому основной задачей современных дискурсивных философских практик, как и вообще процесса производства, восприятия (или=воспроизводства) текстов культуры, является как раз не «достижение истины», а создание некоторого ощущения движения к незавершенности, что и является попыткой эманации самой интеллектуальной личности как той «точки сборки свободы и ответственности», о которой говорит Г. Л. Тульчинский в работах последнего времени [2]. Появление и развитие Персоны как универсального Говорящего/Слушающего или абсолютного Автора/Читателя, восполняющего пробелы смысла и когнитивные разрывы за счет громадного объема универсальной памяти, не присущего отдельной личности или даже сообществу личностей — национальному или творческому, становится одним из главных признаков окончания периода постнеклассичности и начала перехода к пост — постнеклассической эпохе. Характерным признаком этой эпохи может стать попытка воссоздания Образа Мира как новой — интеллектуальной — реальности. При этом границы и пределы Образа Мира как гиперэквивалента когнитивной картины мира, привычной для современного научного сознания, окажутся неопределенными размытыми. Обновленная наличием универсального потребителя Интеллектуальная реальность, создающая в интересах не отдельной личности и даже не коллектива людей, а Персоны, выдвигающей требование интеллектуального хаоса как главного информационного условия, свидетельствует о конце истории как нарратива существования, построенного на бинарных оппозициях традиционного/нового, прошлого/будущего, высокого/низкого, стабильного/подвижного, правильного/ложного, созидательного/разрушительного. Сознание отдельного человека (в этом его настоящая трагедия) обнаруживает себя в плену бесконечного артефактического и идеационного пространства, которое оно (это сознание, ограниченное объемом оперативной памяти) не может увидеть или представить, а мир превращается в подобие огромного пустынного (в виду обостренного чувства экзистенциального одиночества⁵) музея вещей, идей, фактов и образов: «Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, — вместо всего этого — экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет

ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Я ощущаю в самом себе и замечаю в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала» [4]. Ощущение индивидуальной неспособности выстроить историю как нарратив вполне естественно порождает ощущение неспособности выстроить личностный нарратив существования в..., а отсюда — нарратив литературный, являющийся эманацией исторического осуществления личности. Персона «гасит» личностный нарратив пераллелизмом бесконечных миров, превращая его в набор внутренне непроясненных недосказанностей, которые делают невозможным обоснование действительности в терминах временной последовательности, вместе с тем предоставляют широкую возможность применения нелинейных, параллельных и квантовых логик, хорошо прочитываемых на гиперкогнитивном и гипертекстовом уровнях абстракции. В данном случае отдельный текст представляет собой не законченное произведение, а мазок в картине или кусочек слюды в мозаике, обладающий собственными границами и структурой (и даже некоторым отдельным смыслом — цветовым или фактурным), но «читаемый» только в контексте целостного произведения. Именно этот образ «собираения целого из осколков» реализует интеллектуальный поиск в Интернете, когда процедурой чтения управляет не повествовательная (и/или логическая) последовательность обнаруживаемая в тексте, а система гиперссылок.

Обратная картина предстает при наблюдении характера когнитивных трансформаций «смысл — текст», когда система внутренних смыслов, уже расщепленная индивидуальным сознанием на креативно-модельную и стандартно-модельную подсистемы, неизбежно трансформируется во внутренне противоречивый текст. Его параметры определяются не темой, целью и набором аргументов, не выбором «изобразительных средств», а вариантами соотношений двух метафорических состояний — порождения смысла и воспроизводства смысла, реализующимися в калейдоскопической картине эманации виртуального как идеи. Это, по сути дела, обновленный вариант осуществления фантазии в условиях перманентного порождения новой реальности (текста культуры), принципиально «не отражаемой» индивидуальным сознанием, а потому — свободной от жанровостилистических и иных формальных ограничений. Такой текст «позиционирует себя» (в восприятии универсального Автора/Читателя — Персоны) — как гипертекст, а, выводя индивидуальный процесс когниции за скобки (вытесняя экзистенциальное состояние интеллектуальным), «объявляет» о своей гиперкогнитивности. Сама Персона в этом случае не только оказывается вне контекста, но и вообще, благодаря своей постперсоналогичности и внесубъектности, не оказывается, т. е. предстает перед наблюдателем как фантом.

⁵ Знаменательно поэтому название «культового» романа Януша Леона Вишневского «Одиночество в сети».

«Снятие» жанрово-стилистических ограничений и философско-литературных критериев научности, публицистичности, художественности (как и само преодоление книжно-письменности в пользу интернет-письменности) означает фундаментацию Персоны как гиперкогнитивной универсалии, правила когнитивной деятельности которой уходят далеко за пределы возможностей индивидуального наблюдения (самонаблюдения). Не нарративный, рваный, квантированный дискурс, построенный по принципу совмещения интеллектуальных усилий Автора, Читателя и Наблюдателя, описанный как постнеклассический уступает место недискурсивной нарративной практике постповествования, когда ипостаси Автора (образ автора, повествователь, повествовательная инстанция) вообще не нужны в силу отсутствия условий для коммуникации (Персона не коммуникативна по определению и не выстраивает информационно-коммуникативные механизмы получения/передачи информации).

Прекращение когнитивной трансляции в процессе информирования означает переход в тексте от преимущественно информационного плана высказывания (Сообщения) к преимущественно неинформационному плану высказывания (Ознакомлению или Отсылке). Выстраивание этих высказываний в логическую цепочку нарратива затруднено ввиду внетекстового построения субъектности (действует фактор гипертекстовой Персоны), поэтому происходит поиск возможностей такой фрагментации литературного текста, которая позволяет «встраивать» эти фрагменты в канву гипертекста, минуя стадию осуществления текста как отдельного ассоциативно-образного единства⁶. Объединяющим началом фрагментированных автором литературных текстов оказываются не идеационные сгустки, а повествовательные технологии или «стратегии смысла», которые отчасти компенсируют эффект разрыва внутри сознания (и=текста), представляющий препятствие для понимания. При этом понимание, как правило, становится результатом не восстановления цепочки смыслов, а осознанного при воспроизведении авторского замысла и/или стратегии смысла. В своих работах мы выделили ряд стратегий построения современного текста, среди которых одно из ведущих мест занимает «римейковая стратегия», т.е. стратегия, основанная на применении фрагментарно-тавтологических приемов нелинейной логики, когнитивно связанных с метонимическими приемами соположения и следования⁷. К этому же ряду относятся стратегии смысла, выделенные А. Ю. Шемановым: церемония и омонимическая метафора [5]. Все эти стратегии объединены свойством дискретизации повествовательного пространства текста, перенесения смысловой основы текста на гипертекстовый уровень, принципиально не имеющих когнитивных пределов.

Новый текстовый субъект (Персона), осуществляя свои коррелятивные функции и на уровне порождения, и на уровне восприятия текста, формирует систему приемлемых для новой наррации фантомных жанров, имеющих не повествовательно-нарративную, а квантовую и/или кластерную природу. Среди произведений современной русской прозы можно выделить несколько таких фантомных жанров: жанр фрагментированного романа-эссе (напр., Захар Прилепин «Грех»), жанр фрагментированного философского письма-эссе (напр., Макс Фрай «Сказки и истории») и даже жанр методического эссе-дискурса, построенного на основе применения приема проблематизации на занятиях по философии (напр., В. Розин «Приобщение к философии»). Наиболее ярким (и вполне устоявшимся), на наш взгляд, проявлением фрагментации и гипердискурсивности современного литературного текста является жанр литературного словаря-эссе, широко распространенный в современной русской литературе (напр., Андрей Волос «Алфавита. Книга соответствий», Сергей Чупринин «Жизнь по понятиям. Русская литература сегодня» и др.). При этом единство жанра литературного словаря-эссе сохраняется в случае, если гипертекстовое пространство, «просматривающееся» сквозь призму текста словаря, видится наблюдателю различными гранями: в виде личностного философского дискурса (Андрей Волос) или личностноориентированного литературоведческого дискурса (Сергей Чупринин). В любом случае сохраняется смысловая доминанта некоторой гиперкогнитивной ситуации, определяющей не только ракурс построения (и=осмысления) литературного текста, но и ракурс его восприятия индивидуальным сознанием. При этом сама фрагментарность и нон-нарративность дискурса позволяет читателю легко вставлять отдельный смысловой пазл в панно собственной нарративной картины, что, конечно, является причиной популярности жанра. Однако такое — «маркетинговое» — следствие не исчерпывает списка причин все большего распространения литературных текстов подобного типа не только в рамках художественной, но и в рамках научной прозы, где «субъективные словари» занимают все более место. Важно другое: за этим явлением, как и за рядом социально-культурных, информационных и образовательных событий проглядывает образ Персоны, выступающей не только в виде универсального (и=обобщенного, коллективного) Автора-Читателя, но и своего рода диспетчера-распорядителя, формирующего пакеты смыслов, информационное предназначение которых, по всей видимости, скрыто за блестящим калейдоскопом «оберток» Интернета. Безусловно, что в этой когнитивной ситуации доминирования смыслового гиперпространства разрыв в области индивидуального сознания становится все больше, а кризис идентичности все глубже.

⁶ Можно, наверное, говорить о ситуации построения «обратного» интертекста, когда не смысловой ряд текста отсылает к другим текстам как источнику дополнительного смысла, а сам текст становится результатом случайного сплетения отсылок.

⁷ См. Сулимов В. А. Семиотика литературного текста. — Изд-во Коми госпединститута, Сыктывкар, 2009.

Литература

1. Денисенко Т. А., Петруня О. Э. Кризис психологической науки и герменевтико-феноменологическая разработка онтологии личности как условие его преодоления // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №1. 2004. 54—73.
2. Тульчинский Г. А. Новая трактовка личности: личность в перспективе постчеловечности // Семиозис и культура: философия и феноменология текста / Сборник научных статей под ред. И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова. Сыктывкар: Изд-во пединститута, 2009. 7—21
3. Каган М. С. О проблемном поле, образуемом пересечением онтологии и культурологии // Каган М. С. Избранные труды в VII томах. Том I. Проблемы методологии. Санкт-петербург: ИД «Петрополис», 2006. 356.
4. Фукуяма Ф. Конец истории? // Интернетресурс /http://www.netda.ru, 20.06.2009
5. Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека и культура: Монография. М.: Академический проект, 2007. 579.

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Международная Академия наук (русская секция)
Коми государственный педагогический институт
Кафедра культурологии**

**Информационное письмо
Уважаемые коллеги!**

**13—14 мая 2010 года в г. Сыктывкаре состоится
VII Международная научная конференция
«Семиозис и культура: семиотика разрыва (философия, антропология, текст)».**

К участию приглашаются специалисты в области современных проблем философии, культурологии, семиотики, филологии, СМИ, психологии и социологии.

В ходе работы конференции будут рассмотрены следующие вопросы:

- Человек в контексте постсовременности.
- Человек в информационном пространстве: новое антропологическое состояние.
- Кризис самообоснования в ситуации постсовременности.
- Кризис сознания в культуре современности и постмодернизм.
- Этническое, национальное, государственное: прекращение постепенности.
- Идеологическое и духовное в сознании человека.
- Смысловой разрыв: парадоксы, амбивалентности, лакуны.
- Реальное и виртуальное в текстах современной культуры.
- Интеллектуальные технологии как способ преодоления разрыва.
- Языки описания в ситуации разрыва.
- Трансформации нарратива.
- Текст и гипертекст: механизмы перехода.
- Уровни текста в парадигме семиотики разрыва.

По материалам конференции предполагается издание сборника научных статей «Семиозис и культура (выпуск 6)». Сборник научных статей реферировается в Вестнике Международной Академии наук (русская секция) и будет опубликован до начала конференции.

Оргкомитет оставляет за собой право отклонить текст публикации.

Заявку и тексты докладов просим присылать до 15 марта 2010 года по адресу: iefadeeva@mail.ru. Требования к оформлению: кегль 14, интервал 1, объем 20.000 знаков (0,5 печ. листа), все поля 2 см. указатель литературы в конце статьи в алфавитном порядке. Ссылки в круглых скобках — номер в списке и страница через двоеточие (7:312). К статье прилагается название статьи и резюме на английском языке (не более 500 знаков).

Оргвзнос в сумме 400 рублей просим высылать после сообщения о включении доклада в программу конференции.

Адрес: 167000, Сыктывкар, ул. Кутузова д. 13, кв. 117. Фадеевой Ирине Евгеньевне.